

Глава 19

Гиш Чжень

Ты заметил бы тысячетлетние кипарисы — бай шу — некоторые из них стоят прямо, некоторые склоняются к земле. И их кора — ты увидел бы, если посетил бы, — вертикально скрученная, с глубокими бороздками на прямых стволах, что поднимаются ввысь. Они выглядят так, словно кто-то расцарапал их граблями, а потом скрутил, неизвестно зачем.

«Мир и город» (World and Town, 2010)

«**Ч**жень знает, как создавать вдумчивых персонажей, которые могут говорить и думать о сложных вопросах и не заставлять нас записывать за ними», — написал рецензент Washington Post Рон Чарльз о «Мире и городе». Критик New York Times Митико Какутани в рецензии на «Любимую жену» написала:

Госпожа Чжень берет большие социальные вопросы вроде расовой принадлежности и расовых предрассудков, пропускает их сквозь призму... личностей, являющихся невольниками собственных причудливых эмоциональных историй; они ни на мгновение не воспринимаются как среднестатистические представители определенной этнической группы.

Китайская американка во втором поколении, чьи родители иммигрировали в США в 1940-х годах, романист Гиш Чжень построила свою литературную судьбу на мастерстве и противоречии. Чистая сила ее прозы заслужила ей преданных поклонников и множество восторженных отзывов и наград, включая Strauss Living от Американской академии искусств и литературы. Пока она бросает вызов укоренившемуся мифу об американском «плавильном котле» — так поступает тот, кто знает страну и извне, и изнутри, — она может противостоять ярлыку «романист-иммигрант».

Биографические данные

Дата рождения: 12 августа 1955 года.

Родилась и выросла: Лонг-Айленд (Куинс); росла в Скарсдейле (Нью-Йорк).

Ныне живет: Бостон.

Личная жизнь: замужем.

Семейная жизнь: двое детей.

Образование: Гарвардский университет, бакалавр гуманитарных наук (1977); Мастерская писателей Айовы, магистр изящных искусств (1983).

Основная работа: нет.

Награды, премии, членство, степени (неполный список): стипендии Фонда Гуггенхайма, Института перспективных исследований Рэдклиффа, Национального фонда поддержки искусств и комиссии Фулбрайта; Strauss Living от Американской академии искусств и литературы; Литературная премия Lannan; член Американской академии искусств и наук.

Интересные факты

- Лиллиан Чжень — имя, данное Гиш Чжень при рождении; под ним она опубликовала свой первый рассказ. Одноклассники — любители кино в старшей школе прозвали ее Гиш в честь актрисы Лиллиан Гиш.

- Чжень готовилась к поступлению на медицинский факультет в Гарварде, потом думала изучать право, в итоге поняла, что хочет заниматься литературным трудом, но поступила в школу бизнеса Стэнфорда.
- У Чжень не было доступа в библиотеку до пятого класса, когда ее семья переехала из Куинса в Скарсдейл.

Сайт: www.gishjen.com

Facebook: www.facebook.com/pages/gish-jen/112020422148586

Избранные работы

Романы

«Мона в земле обетованной», 1996

«Любимая жена», 2004

«Типичный американец», 2007

«Мир и город», 2010

Сборник рассказов

«Кто ирландец?», 1999

Периодические издания

The New Yorker

The Atlantic Monthly

The New York Times

The Los Angeles Times

The New Republic

Гиш Чжень

Почему я пишу

Писательство — это часть моей сущности в мире. Еда, сон, писательство — все едино. Я не думаю о том, почему я пишу, — мне же не приходит в голову думать, почему я дышу. Плохо, когда не можешь писать, — так же, наверное, будет плохо, когда я не смогу дышать.

Когда я пишу, то забываю о себе. Я переселяюсь в своих героев, в истории. Я знаю, что работа идет хорошо, когда смотрю на часы и вижу, что уже десять вечера, а в последний раз я на них смотрела, когда был полдень.

Моя литературная работа всегда была очень интуитивна. Я начинаю произведение без плана, никогда не заглядываю вперед. Я смотрю только на то, что делаю, а потом поднимаю глаза и осознаю, что уже нахожусь на другом берегу озера; из этого я делаю вывод, что плыла.

Почему я не должна была писать

Довольно большое количество азиатских американцев чувствуют себя неловко, когда говорят о себе или привлекают к себе внимание. С рождения мы приучены думать о себе с точки зрения наших социальных ролей, поэтому, когда мы говорим о детстве, некоторые из нас рассказывают о собственном детстве, но некоторые — больше о других, нежели о себе.

Вопрос повествования для меня всегда был сопряжен с вопросом расовой принадлежности. Это одна из причин, почему я так долго шла к идее заниматься литературным трудом.

Для меня, маленькой девочки, книги представляли огромную ценность, поскольку у нас их было немного. Мои родители мне не читали, я ходила в католическую школу, где была библиотека лишь с пожертвованными книгами. Тем не менее моя бабушка присылала мне книги на Рождество: «Хайди» Иоханны Спири, «Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт. Каждую я читала по тысяче раз.

Стихосложение

В первые годы обучения в колледже я по случайности ходила на курсы литературного мастерства. Это были занятия по стихосложению, которые вел переводчик Роберт Фицджеральд.

Я записалась к нему, поскольку чувствовала, что не понимаю поэзии. Почему у стихов такие короткие строки? Почему бы поэтам не выражать, что они имеют в виду, более просто? Из описания курса я не поняла, что мне самой придется писать стихи, но, когда все прояснилось, я подумала: «Ну и что, попробую; я всегда могу бросить занятия, если ничего не выйдет». Так я написала свое первое стихотворение и тотчас же полюбила его. Я сказала соседке по комнате: «Если я могла бы делать это каждый день всю оставшуюся жизнь, я писала бы стихи».

Но люди с моим происхождением не становились писателями, и возможно, я не писала бы сегодня книги, если бы Фицджеральд не сказал мне: «Почему ты на медицинских курсах? Ты должна работать со словом. Если не собираешься стать писателем, тебе следует заняться хотя бы редактурой». Затем он позвонил своему редактору в Doubleday и сказал: «У меня есть студентка. Ты должен дать ей работу».

Сейчас я осознаю, что такое случается не с каждым, но в 1977 году я недостаточно знала об окружающем мире, чтобы удивиться. Я скорее восприняла поступок учителя как услугу, ну, если он мне сказал бы: «Я знаю дешевую квартиру, которую ты можешь снять», — что-то полезное и только.

У Doubleday тогда была образовательная программа для сотрудников, по которой организация платила за любые внешние курсы, которые хочешь пройти. Поэтому я пошла на курсы документальной и научно-популярной литературы в Новой школе, а когда я сдала свое задание, учитель сказал: «Это лучшая работа из всех, что я видел за последние годы. Ты должна серьезно подумать. Тебе надо быть писателем». Я подумала тогда: «Как странно. Еще один человек считает, что я должна писать». Я начала покупать литературные журналы и общаться с людьми, интересующимися литературой. Одним из них был Джонатан Уэйнер, позже написавший «Клюв зяблика»; в те годы он отошел от поэзии и переключился на научно-популярную литературу, которая его очень воодушевляла.

Через некоторое время стало ясно, что, работая в издательстве, я не делала то, что действительно хотела (писать книги), да и платили не очень много. Родители, конечно, желали, чтобы я занималась чем-нибудь более практичным. Мой отец постоянно говорил: «У тебя должен быть талон на обед», — это был образ, наиболее близкий его пониманию, поскольку в душе он остался иммигрантом. Поэтому я подала заявление в школу бизнеса; к этому времени я уже прошла подготовительные медицинские и юридические курсы, а вот вопросы управления я еще ни разу не рассматривала как возможный вариант.

К моему удивлению, я поступила и в Гарвард, и в Стэнфорд, остановилась на Стэнфорде, потому что там была хорошая программа писательского мастерства. Я, честно говоря, была совсем сбита с толку, но все-таки посещала занятия по художественной литературе, пока училась в школе бизнеса, и они были чудесны. Сначала я прошла продвинутый курс с Майклом Куком. Потом поняла, что не знаю основ, поэтому вернулась и прошла курсы для начинающих со Стефани Вон. Все это несколько отдавало сумасбродством, но Майкл и Стефани были по-настоящему талантливыми учителями, и они многому меня научили.

После первого семестра я забыла об управлении и школе бизнеса. Вместо этого постоянно читала; за тот год, думаю, я прочитала сотню романов.

Наконец, я взяла отпуск и записалась в Мастерскую писателей Айовы.

Айова

Я была в Айове в начале 1980-х годов, в гораздо более простое время. Сейчас там всюду агенты программ магистрата изящных искусств, но тогда агенты были еще в далеком будущем. Я не помню, чтобы кто-то обсуждал агентов или думал, как их заполучить; об издательствах тоже не особенно говорили. Все думали только о работе.

В Айове я училась вместе с Бэрри Ханна, который однажды проводил конкурс работ, написанных в стиле Раймонда Карвера. Конкурс был анонимным: мы все подписывали свои работы именем «Раймонд Карвер». Поэтому на следующий день, когда Бэрри объявлял победителя, он поднял работу и спросил, кто ее написал. Я онемела, когда поняла, что это моя работа, и я должна была поднять руку. Я до сих пор помню этот момент — и счастливый, и ужасный одновременно. Недавно кто-то сказал мне: «Ты замечательный оратор, но почему все твои рассказы о смущении?» Я поняла, что в этом есть доля правды. В общем, так все складывалось. Я опубликовала под своим настоящим именем Лиллиан Чжень первый рассказ, когда еще участвовала в программе издательства. Как только я увидела «Лиллиан», я подумала, что та личность, которая написала рассказ, была не Лиллиан; и после я всегда издавалась под именем «Гиш». Гиш — прозвище, которое я получила в школе.

Я не знаю, что из этого было курицей, а что — яйцом, но мое становление как писателя во многом связано с принятием этой второй личности, созданием человека, который писал. Лиллиан была милой китайской девочкой. Гиш уже не так мила и послушна. Гиш стала той, кто открывает мне дверь, когда я возвращаюсь ночью в общежитие колледжа, той, кто попадает во всевозможные неприятности. Все то, что не было доступно для Лиллиан, было доступно для Гиш. Я все еще думаю, что Лиллиан весьма исполнительная. Я ответственный человек. Я мать двоих детей и член общества, более или менее стабильно стоящий на ногах, но, будучи Гиш, я обрела свободу, которой Лиллиан не знала. Свобода пришла, когда я начала писать.

Девяносто слов в минуту

После того как я окончила в 1983 году Мастерскую писателей Айовы, я вышла замуж и переехала на восток, потому что и моя семья, и мой муж были там. Мне была нужна работа,

и я подумала: может быть, стоит попытаться и вернуться в издательское дело. Я могла, например, устроиться на работу в университетскую типографию. Я прошла тест на набор текста, и женщина, принимавшая экзамен, сказала: «Вы напечатали девяносто слов в минуту без ошибок. Я уверена, что мы сможем найти вам работу». Я ликовала. Но на самом деле она ничего не могла и ничего не нашла. Шли месяцы; пока я ждала вакансии, мне пришла мысль подать заявку на стипендию Бантингского института, хотя, честно говоря, я не думала, что у меня был хоть малейший шанс ее получить. Я была в этом так убеждена, что, когда они связались со мной и сказали, что в моих бумагах не хватает одной рекомендации, я ничего не стала делать.

В это время мне случилось обедать с поэтессой Мартой Коллинз. Пока мы разговаривали, как-то всплыла тема моей заявки и отсутствующей рекомендации, на что она ответила: «Я дам рекомендацию». Я сказала: «Все равно я не получу Бантинг», но она отправилась прямо в дирекцию университета и сказала, что она мой второй рекомендатель. И той осенью я стала членом Бантингского института в Рэдклиффе.

Первым моим днем был понедельник. Я помню, как все сидели в кругу, представлялись, и, когда очередь дошла до меня, я представилась как «будущий писатель», на что одна женщина стала возражать и делала это до тех пор, пока я, наконец, не признала себя настоящим писателем. Там царила такая благожелательная атмосфера ожидания, что к пятнице я решила написать роман. Помню, как писала первую строку романа, который потом стал «Типичным американцем». Вижу, как печатают пальцы: «Это американская история».

Мной начали интересоваться агенты, в основном узнававшие обо мне по опубликованным рассказам; я писала им всем, что свяжусь с ними, когда у меня будет роман, и завела специальный файл с их именами. Завершив роман, я открыла этот файл и разослала агентам свой текст. К моему удивлению,

он всем понравился. Я выбрала агента, который затем нашел несколько заинтересованных издательств, и мы продали книгу Сеймуру Лоуренсу из Houghton Mifflin. Все казалось невероятным. Если честно, я до сих пор не могу в это поверить.

У меня уже был ребенок, и я знала, что для работы придется искать какое-то помещение вне дома, — кстати, именно это я рекомендую сделать молодым матерям, пытающимся писать. Поскольку я получила довольно большой аванс, мне удалось приобрести маленький офис. Какое это удовольствие! Когда я зашла в него впервые, то подумала: вот и я стала постоянным обитателем литературного мира.

Маленькое заколдованное пространство

Мой путь к успеху совершенно необыкновенный. Я невероятно благодарна за все, что со мной произошло, что мне помогли найти мое место в литературном процессе. Теперь я имею возможность писать и ужасно боюсь за других писателей.

У меня такое чувство, будто в самый последний момент я успела запрыгнуть в лодку, уже отчалившую от пристани. Конечно, в мультикультурном пространстве огромное множество проблем, но мой пример свидетельствует, что даже те, кто никогда не мог стать писателем в силу своего происхождения и воспитания, теперь пишут книги. Это может здорово поменять мир.

Я продолжила жить в своем маленьком заколдованном пространстве, куда входили замечательное издательство Knopf и мой потрясающий редактор Энн Клоуз. Я пошла на огромный риск, занявшись сочинительством книг и превратив это в дело своей жизни, но мой дом, мои близкие всегда находились рядом и поддерживали меня на каждом шагу.

Я даже не представляла, что издательский процесс настолько сложен. В этом вопросе я, конечно, была полной невеждой, пока мои собственные интересы не пересеклись

с книгоиздательским бизнесом, с распространением и продажей книг. Я не знала, каким тиражом продавались мои книги — это никак не входило в круг моих жизненных интересов. Честно говоря, для меня это до сих пор большая загадка, хотя в общем в ситуации я уже разбираюсь лучше, чем раньше. Могут ли молодые люди позволить себе подобную невинность? Я знаю, что литературный процесс — то дело, в котором мы все участвуем, — слишком уязвим и хрупок на фоне господствующей ситуации. Поэтому каждый, кому небезразличен писательский труд, должен стать бóльшим реалистом, чем был в прошлом.

Есть одно обстоятельство, которое неизбежно отсекает многих хороших писателей в самом начале их творчества, — это невозможность получить предварительный гонорар или грант, на который можно было бы жить. Не хочу сказать, что писатели переведутся, но намечается определенная тенденция: вперед выбьются одаренные авторы, имеющие хорошие средства к существованию. Сегодня одного таланта мало. Кому-то, может быть, удастся создать одну или несколько книг, но не больше. Мы легко можем наблюдать подобные процессы на примере формирования правящих кругов и других элитарных сообществ; это можно назвать социальной штангой, когда люди с большим материальным достатком без труда добиваются успеха, выходцам из непредставительных групп может лишь неожиданно повезти, а в середине — пустота, которую никто не может заполнить. Мне — как человеку, который никогда без посторонней помощи *не смог бы* стать писателем, — невыносимо видеть эту социальную несправедливость.

Я приветствую и поддерживаю любое усилие, направленное на то, чтобы литературное творчество оставалось *живым делом* всех талантливых людей. Мы не должны допустить, чтобы этот процесс угас. Нам, писателям, надо разъяснять всем читателям, что книги обогащают их жизнь; надо поддерживать авторов, чтобы они продолжали создавать книги, потому что

они помогают людям жить. Кризис чтения в современном обществе должен мобилизовать писателей, им следует направить весь свой талант на то, чтобы говорить правду. Конечно, это не решит наши проблемы, но все лучше, чем ничего.

Гиш Чжень делится профессиональным опытом с коллегами

- Литературное творчество — нелепый способ заработать. Если вы пишете, то и пишите — делайте это не из-за денег, а ради иного, более глубокого удовлетворения.
 - Читателям интересно, что происходит в других уголках мира, потому что сквозь призму мировых событий мы сможем понять происходящее у нас. Писательский труд интернационален по сути, а сами писатели представляют собой международное сообщество. И важно об этом помнить.
-